

Л.С. Выготский

**Собрание сочинений в шести
томах**

Детская психология Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
В92

В92 **Выготский Л.С.**
Собрание сочинений в шести томах: Детская психология Том 4 / Л.С. Выготский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 431 с.

ISBN 978-5-458-28689-3

ISBN 978-5-458-28689-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дальнейший рост в том же направлении, не представляя ничего действительно нового по сравнению с наблюдающимся в раннем детстве. Ш. Бюлер⁵, которая делает этот вывод, проводит далее широко охватывающую параллель между подростком в период полового созревания и ребенком 3 лет, находя с формальной стороны ряд сходственных черт в психологии того и другого. Мы склонны видеть здесь проявление внутренней несостоятельности чисто формального метода в педологии, его бессилие постигнуть процесс развития во всей реальной сложности и учесть все те действительные новообразования, которые возникают при переходе ребенка от одного возраста к другому.

Ключ к возрастному пониманию психологии, как уже сказано, заложен в проблеме направленности, в проблеме движущих сил, в структуре *влечений и стремлений ребенка*. Те же самые навыки, те же самые психофизиологические механизмы поведения, не обнаруживая часто с формальной стороны существенного отличия на разных возрастных ступенях, в различные эпохи детства, оказываются включенными в совершенно другую *систему влечений и стремлений*, в совершенно иное силовое поле направленности, а отсюда возникает и глубокое *своеобразие их строения, их деятельности* и их изменения в данную, определенную фазу детства.

Именно из-за недоучета указанного обстоятельства детская психология многие десятилетия не умела найти ни одного существенного признака, который отличал бы восприятие ребенка от восприятия взрослого и указывал на содержание процессов развития в этой области. Поэтому серьезным переломом в истории изучения поведения ребенка явилось осознание недостаточности одного формального рассмотрения и необходимости исследовать те основные моменты *направленности, своеобразия конфигурации которых определяет на каждой данной ступени структуру, внутри которой находят свое место и свое значение все механизмы поведения*.

Отправной точкой научного исследования в этой области является признание того, что развиваются не только навыки и психологические функции ребенка (внимание, память, мышление и т. п.)—в основе психического развития лежит прежде всего эволюция поведения и интересов ребенка, изменение структуры направленности его поведения.

2

К осознанию этой идеи психология подошла только в последнее время. Мы не говорим уже о старой субъективной психологии, в которой интересы то отождествлялись с умственной активностью и рассматривались как чисто интеллектуальное явление (И. Герbart)⁶, то помещались в сферу эмоциональных переживаний и определялись как радость от проходящего без затруднений функционирования наших сил (В. Иерузалем, Т. Липс)⁷, то

выводились из природы человеческой воли, сближались с действием и надстраивались на основе желания; но даже в объективной психологии, стремящейся построить учение об интересе на биологической основе, проблема интереса в течение долгого времени была крайне затемнена многочисленными и большей частью совершенно ложными попытками представить в надлежащем свете отношения, существующие между интересом и механизмами нашего поведения.

Э. Торндайк⁸ определяет *интерес* как *стремление*, обращая внимание на его двигательную, побуждающую силу, на его динамическую природу, на заключенный в нем момент направленности. Стремление посвятить свои мысли и действия какому-нибудь явлению автор называет интересом к этому явлению. Чувство подъема, умственного возбуждения, притяжения к предмету называется интересом, говорит Торндайк.

Уже в этой формуле вместе с более или менее отчетливо высказанным новым взглядом на интерес мы находим ряд неопределенных моментов (чувство подъема, умственного возбуждения, притяжения к предмету), из совокупности которых автор пытается суммарным путем получить определение интереса.

Развивая далее ту же мысль, Торндайк писал, что интересы могут быть врожденными или приобретенными. В этом отношении интересы не представляют исключения из общего правила, согласно которому наше поведение складывается как из врожденных, так и из приобретенных реакций, надстраивающихся на их основе. В попытке разделить интересы на врожденные и приобретенные объективная психология снова стирает всякое различие между интересом и механизмами поведения или психическими функциями, и недаром в этом пункте берут начало многие расхождения в мнениях и взглядах на интерес.

Центральным вопросом для всех этих учений является проблема: приобретаются ли в процессе развития человека новые интересы, или они сводятся к интересам врожденным, обусловленным биологическими факторами? Иначе ту же проблему можно выразить так: следует ли в психологии различать интерес и влечение, в каком отношении они стоят друг к другу? Как мы видели, Торндайк отвечает положительно на этот вопрос, различая врожденные и приобретенные интересы. Но отношение между влечением и интересом он склонен отождествлять с отношением, существующим между врожденными и приобретенными реакциями.

Что эта точка зрения в своем логическом развитии действительно заставляет отождествлять интересы и реакции, легко видеть из тех выводов, которые сделаны из этого положения представителями новой динамической психологии в Америке. Р. Вудвортс, например, считает, что способность человеческой психики приобретать новые механизмы есть в то же время способность приобретать новые стремления, так как каждый механизм, находящийся на той ступени развития, когда он достиг

определенной эффективности, не став еще автоматическим, сам по себе является стремлением и может быть мотивом действий, лежащих вне его непосредственного функционирования.

Для сторонников динамической психологии самые стремления представляют собой только механизм в действии и в динамической связи с другими механизмами, и поэтому, как говорит тот же автор, процесс развития вторичных, или приобретенных, мотивов будет частью общего процесса выработки навыков. Иначе говоря, авторы на основе своих исследований склоняются к выводу, что вместе с образованием навыков, новых условных рефлексов, новых механизмов поведения создаются и новые интересы, новые движущие мотивы, которые в главном подчинены тем же самым законам выработки условных рефлексов. Каждая деятельность с этой точки зрения сама создает новый интерес. На основе этого возникают стремления к определенным объектам, которые и являются в сущности интересами.

Мир был бы скучен, утверждают эти авторы, если бы объекты не привлекали нас сами по себе и только голод, страх и другие врожденные инстинктивные реакции всякий раз определяли бы всецело наше отношение к тому или иному предмету.

Механистическое представление о развитии интересов, которые, как тень, сопровождают развитие навыков, возникающих как простые привычки и по сути являющихся не чем иным, как тенденцией к повторению многократно совершенных действий, простой инерцией поведения, сквозит в основе этого учения об интересе, с виду отрицающего косность и инертность движущих сил нашего поведения и наряду с врожденными учитывающего также и приобретенные направления наших реакций.

Вся беда этого учения в том, что механизм приобретения интересов оно сводит к простому механизму дрессуры и тренировки, в основе которого лежит простая сила инерции, механическое действие привычного повторения. Таким образом, теория запутывается в ряде внутренних противоречий, пытаясь, с одной стороны, понять возникновение в процессе развития новых стремлений, а с другой — растворить новые стремления в общей тенденции к повторению и привести их к одному знаменателю с образованием новых навыков. Отсюда и механистическое представление, что вновь приобретенные интересы ничем не отличаются от врожденных или инстинктивных влечений. Г. Инглиш, например, считает, что выработанные привычкой диспозиции доставляют нам такую же подлинную силу стремления, как и инстинктивные. В этом утверждении рассматриваемая теория в сущности приходит к отрицанию своего же основного положения, отказываясь установить различие между инстинктивным стремлением и выработанной диспозицией.

Противоположную точку зрения защищают психологи, которые не считают возможным отождествлять интерес или стремление с механизмом в действии. Так, В. Мак-Дауголл на основе своих исследований приходит к выводу, что в фундаменте всякого

стремления, всякого интереса лежит в сущности врожденное инстинктивное влечение, которое только находит свое проявление в привычке и обслуживается теми или иными механизмами поведения. Он говорит, что привычки не содержат в себе особо присущего им стремления, они определяют, как мы должны выполнять наши задачи, но не являются движущими силами процесса и не поддерживают его. Сам по себе навык, как показывает Мак-Дауголл на простом экспериментальном примере, не содержит в себе интереса, но всегда является подчиненным моментом в разветвлении психологического процесса, моментом, который следует строго отличать от движущей силы, от побуждающего мотива, приводящего в действие и поддерживающего все течение данной операции.

Представим себе, что мы произносим алфавит, начиная с первой буквы и до последней, и прерываем вдруг это занятие посередине. Естественно возникает стремление продолжать это неоконченное или прерванное действие. Может легко создаться впечатление, что навык сам вызывает это стремление, что в нем самом заложен, так сказать, интерес к произнесению всего ряда букв до конца. На самом деле это не так, в чем нетрудно убедиться. Интерес, который мы ощущаем в виде стремления, когда наши занятия прерваны, на самом деле коренится в основной цели, ради которой мы вообще взялись за дело. Представим, что мы произносим снова весь алфавит, до той же самой буквы, на которой прервалось наше первое чтение, но задаемся теперь совсем другим намерением — не воспроизводить всю азбуку до конца, а подсчитать, какой по порядку является данная буква. Здесь другое намерение, другая цель приводят к совершенно иным результатам: снова дойдя до той же буквы и, следовательно, прервав навык в том же месте, мы, однако, не сможем обнаружить ни малейшей тенденции к продолжению того же самого навыка, так как движущее стремление само исчерпалось на данном пункте.

Анализ подобных случаев, говорит автор, приводит нас к неизбежному выводу, что навык сам по себе не заключает в себе никакого стремления.

В. Мак-Дауголл, наблюдая за двумя мальчиками, которых он побудил с помощью соревнования и вызывая к их гордости взяться за неинтересную, тяжелую работу по выкорчевыванию пня, показал, что то полное поглощение объектом, та глубокая заинтересованность деятельностью, которая на первый взгляд могла бы быть сочтена за самостоятельно и наново приобретенный интерес к этой работе, на деле обнаруживает теснейшую зависимость от основных инстинктивных интересов (гордости, соревнования и т. д.) и исчезает, как только последние становятся насыщенными и удовлетворенными. Автор, таким образом, приходит к решительному отрицанию того положения, что интересы приобретаются и возникают так же, как и навыки.

Если вторая теория интересов оказывается в выгодном поло-

жении по сравнению с первой в одном отношении (она способна проникнуть более глубоко в структуру поведения и понять сложные и многоэтажные отношения, существующие между интересом и навыком), то в другом отношении эта теория делает глубокий шаг назад по сравнению с учением Торндайка и Вудвортса, признавая, что все интересы, все побуждающие силы нашей деятельности врожденны и в последнем счете обусловлены биологической природой инстинктов.

Спор о том, приобретаются или не приобретаются новые стремления, привел, как это бывает часто в научных спорах, к уточнению и к новой постановке самой проблемы, а следовательно, к выяснению относительной правды, содержащейся в одной и другой теории, и к преодолению тех глубоких заблуждений, которыми разбавлена эта доля правды в каждой из них. Обе теории состоятельны в критической части, там, где они стремятся вскрыть ошибочность противоположного учения, и обе равно несостоятельны в позитивной части, равно бессильны в преодолении механистического взгляда на поведение и на развитие интереса.

Сторонники первой теории по адресу Мак-Дауголла говорят, что мир был бы скучен, если бы все наше поведение непосредственно определялось инстинктами голода, страха и другими. Здесь они совершенно правы: действительная картина заинтересованного отношения к миру нисколько не совпадает с той, которая вырисовывается на основе теории Мак-Дауголла, но последний мог бы с полным основанием возразить критикам их же собственными словами; он мог бы сказать: мир был бы столь же скучен, если бы наше отношение к тому или иному предмету определялось исключительно силой привычки или тенденцией к инерции.

Новая постановка проблемы показала, что, с одной стороны, правы те авторы, которые считают возможным приобретение или выработку новых стремлений и интересов, с другой — есть своя доля правды и у сторонников той точки зрения, что не всякий навык сам по себе является уже и собственным стремлением или собственным интересом, что есть более обширные сферы личности, более глубокие и устойчивые установки, есть постоянные склонности, есть как бы основные линии нашего поведения, которые и могут быть в сущности с полным правом названы интересами и которые в свою очередь определяют функционирование тех или иных навыков.

В самом деле, если встать на точку зрения тех, кто полагает, что всякий навык благодаря своему возникновению снабжен собственной двигательной силой, мы неизбежно придем к чудовищной по механистичности и атомистичности, по разорванности и хаотичности картине поведения, которая в этом случае напоминала бы не органически целостное образование, а «сумасшедшую машину», где каждый винтик двигался бы в силу собственных законов и заключенных в нем сил. При таком понимании становится абсолютно невозможным научное объяснение основно-

го вопроса: откуда берутся связанность, организованность, слитность, взаимная согласованность отдельных процессов поведения между собой, возникновение целых систем поведения, а также выяснение того, чем же процесс психологического развития отличается от простого процесса дрессировки, с помощью которой вырабатываются все новые и новые навыки.

Но если встать на противоположную точку зрения и отождествить интересы с инстинктивными влечениями, перед нами раскроется не менее чудовищная и безнадежная картина бесконечного топтания каждого нового поколения по кругу врожденных инстинктивных влечений и снова станет необъяснимым и непонятным, каким образом человек выходит за пределы своей животной природы, каким образом в процессе общественной жизни он развивается как культурное и трудящееся существо.

Но одинаково безнадежным и с той, и с другой точки зрения является разрешение проблемы развития поведения и центрального ее вопроса — как возникают новообразования в процессе психологического развития: проблема возникновения нового в процессе развития остается одинаково недоступной для одной и другой теории. Преодоление основных ошибок обеих теорий и возможность нового, синтетического подхода к проблеме интересов дает нам складывающаяся на наших глазах структурная теория интересов.

3

Структурная теория интересов, как уже сказано, пытается подняться над крайностями обеих односторонних точек зрения. Сложные и глубокие экспериментальные исследования, произведенные с целью разрешить вопрос об отношении, существующем между интересом и навыком, заставляют новую психологию сделать вывод, что старая точка зрения, которая в ассоциативной связи между двумя элементами видела движущую силу, приводящую в действие психологические процессы, несостоятельна перед лицом новых фактов. Экспериментальное исследование навыка показало, что созданные привычкой связи как таковые никогда не являются двигателем психологического процесса, говорит К. Левин⁹.

Одного образования ассоциации, оказывается, еще недостаточно, чтобы пустить в ход какой-нибудь нервный механизм. Образованные навыки, привычки, ассоциативные связи и сочетания могут существовать как ряд потенциально готовых механизмов, но сами по себе, благодаря одному лишь факту своего существования, они не обладают изначальной побудительной силой и таким образом не заключают в себе особого, присущего им стремления.

Исследования Левина показали, что факты полностью соответствуют выводам Мак-Дауголла, о которых мы говорили выше. Сам по себе навык не вызывает никакой тенденции к продолжению деятельности, напротив — тенденция к продолжению деятель-

ности относительно независима от ряда навыков, в которых она находит свою реализацию. Так, когда мы экспериментально прервем течение какой-нибудь деятельности, тенденция к ее завершению находит свое разрешение, свой разряд в какой-либо другой, заменяющей, суррогатной деятельности, которая по ассоциативным механизмам не имеет ничего общего с предыдущей. Когда же какая-нибудь деятельность исчерпывает вызвавший ее интерес и приводит к пресыщению и к отказу испытуемого продолжать работу, очень легко можно без всякого перерыва вызвать продолжение той же самой деятельности, если создать у испытуемого новую тенденцию, новый интерес, включить данный навык в другую структуру, придать ему другую направленность.

Можно считать экспериментально установленным фактом, что навыки и ассоциативные механизмы не действуют бессистемно, автоматически, хаотически, каждый в силу особого, присущего ему стремления к действию, но что все они реально вызываются к деятельности только как подчиненные моменты какой-либо общей структуры, общего целого, какой-либо общей динамической тенденции, внутри которой они только и приобретают свое функциональное значение и свой смысл. Самая комбинация навыков, порядок их вступления в действие, их строение и способы деятельности — все это определяется в первую очередь той организованностью, теми сложными отношениями, которые существуют внутри данной динамической тенденции. Такие *целостные динамические тенденции, определяющие структуру направленности наших реакций, и следует с полным основанием называть интересами.*

Отношение отдельных видов деятельности к целостной динамической тенденции, охватывающей их, можно пояснить на примерах, приводимых Левином. Он говорит, что маленький ребенок испытывает радость, бросая различные предметы; позже он начинает засовывать предметы за шкаф и за ковер; становясь еще взрослее, он начинает сам охотно прятаться и играть в прятки; часто даже, когда он лжет, прятание играет значительную роль в его лжи. Или другой пример: маленький ребенок вначале с огромной охотой открывает и закрывает какую-нибудь коробку; затем, сидя еще на руках у матери, начинает с наслаждением открывать и закрывать дверь; позже, когда он научается ходить, он без усталости продолжает ту же самую игру дверью и далее открывает и прикрывает все дверцы. В подобных случаях не только развиваются способности к определенным действиям, но и без труда можно открыть развитие склонностей, потребностей, интересов.

Мы видим, таким образом, что *потребности, склонности, интересы* являются более широко охватывающими целостными процессами, чем каждая отдельная реакция. Различные сами по себе реакции могут вызываться одной и той же склонностью, и, наоборот, часто совершенно различные интересы находят выражение и удовлетворение в одинаковой с внешней стороны реак-

ции. По мысли Левина, внешне очень близко стоящие друг к другу действия, как игра в куклы или занятия со строительным ящиком, или игра в трамвай 2-летнего и 4-летнего ребенка, могут иметь совершенно различные основания.

Деятельность человека не просто механическая сумма неупорядоченно действующих навыков, она структурно охватывается и упорядочивается целостными динамическими тенденциями — стремлениями и интересами. Вместе с установлением структурного отношения между интересом и навыком новая теория приходит с логической последовательностью и к совершенно новой постановке старой проблемы о врожденных и приобретенных интересах; она ставит вопрос не так, как он ставился прежде: являются ли интересы исключительно врожденными и данными вместе с основными инстинктивными влечениями человека, или они приобретаются параллельно складыванию новых привычек в процессе простой тренировки.

Интересы не приобретаются, а *развиваются* — в этом введении понятия *развития* в учение об интересах заключается самое важное слово, сказанное новой теорией по поводу всей проблемы интересов. Она впервые открыла действительную возможность преодоления механистической точки зрения на интерес, одинаково присущей двум противоположным направлениям, на которые раскололась прежняя психология в этом вопросе.

Интересы, понимаемые как целостные структурные, динамические тенденции, рассматриваются новой психологией в свете этого понимания как жизненные, органические процессы, глубоко укорененные в органической, биологической основе личности, но развивающиеся вместе с развитием всей личности. Эти процессы, как и все жизненные процессы, обнаруживают совершенно явственное развитие, рост и созревание. Этот ясно выраженный онтогенез потребностей, склонностей и интересов обнаруживает, по словам Левина, такой же ритм, как, например, биологическое развитие яйца. Она складывается, полагает Левин, из ряда динамических фаз, из которых каждая относительно автономна. Понятия созревания и кризиса являются здесь наиболее существенными.

В свете новой теории, включающей судьбу интересов в общий контекст онтогенеза, в ином виде предстает перед нами и проблема отношения биологического и социального в развитии интересов. Побуждающая сила человеческой деятельности или стремление также является простой механической суммой отдельных возбуждений или инстинктивных импульсов. Эти стремления коренятся как бы в особых гнездах, которые можно назвать потребностями, поскольку мы приписываем им, с одной стороны, побудительную силу для действия, считаем их источником, откуда берут свое начало склонности и интересы, а с другой — обозначаем тот факт, что потребности имеют известное объективное значение по отношению к организму в целом.

Мы, таким образом, приходим к общему заключению, что поведением человека движут потребности, но структурная те-

ория¹⁰, в отличие от теории Мак-Дауголла, отнюдь не сводит все потребности только к врожденным или инстинктивным. Потребности обнаруживают совершенно ясно выраженный онтогенез. Наряду с потребностями, коренящимися во врожденных влечениях, структурная теория различает возникшие в процессе личного развития ребенка потребности, создаваемые требованиями приспособления ребенка к окружающей среде, и в первую очередь к социальной. Тем самым безмерно расширяется круг основных потребностей, но этим дело не ограничивается: наряду с настоящими потребностями, которые возникают в процессе длительного развития, эта теория различает так называемые ненастоящие потребности, или квазипотребности, которые составляют истинную сферу интересов человека. Эти квазипотребности обнаруживают в первую очередь глубокую аналогию с настоящими потребностями и зависимость от последних.

В основе такого сближения лежит не только чисто внешняя аналогия с настоящими потребностями, но и генетическая связь, заключающаяся в том, что новые потребности возникают на основе настоящих потребностей и обладают родственным механизмом, приводящим в действие наши реакции. Иначе говоря, временная потребность или интерес действует в известных пределах совершенно так же, как и реальная потребность. Квазипотребности не повторяют просто в новой форме основных, настоящих потребностей, а являются новообразованиями в истинном смысле слова. Эти новообразования обнаруживают реальные взаимодействия с настоящими потребностями, они стоят то в более близком, то в более отдаленном отношении к последним; иногда вступают с ними в противоречие, иногда, наоборот, обслуживают их. Когда возникает временная потребность, еще никогда заранее не бывает дана и сформирована та система навыков или мыслительных операций, которая должна привести к удовлетворению этой потребности. Возникает только общая установка, тенденция, направленность поведения на разрешение известной задачи, и, как говорит Левин, только соединение или совпадение временной потребности и конкретной ситуации определяет, какие конкретные действия будут воспроизведены.

Мы приходим к установлению последнего момента, отличающего новую теорию интересов, именно к установлению двусторонней объективно-субъективной их природы. Напомним, что спор относительно того, создаются или не создаются интересы, в значительной мере был спором о том, что является двигателем нашего поведения — субъективное ли удовлетворение, связанное с инстинктами, внутреннее влечение или объективная привлекательность самих предметов и деятельности.

Таким образом, встала серьезнейшая проблема, которая фактически не снималась на всем протяжении развития учения об интересе: имеет ли интерес объективный или субъективный характер?

Указание на диалектическое решение вопроса содержится уже

у Гегеля¹¹. Он полагал, что верный путь к решению состоит не в утверждении какой-либо одной стороны интереса, субъективной или объективной, а в признании сложного и нераздельного единства обеих сторон. По пути, намеченному Гегелем, идет и структурная теория. Кто проявляет деятельность, говорит Гегель, по отношению к какой-либо вещи, тот не только интересуется вещью, но и побуждается ею. Наряду со стремлениями, потребностями интерес является тенденцией, побуждающей к деятельности.

Иначе говоря, создается чрезвычайно своеобразное отношение между человеком и объективной действительностью. Это своеобразное отношение Левин усматривает в том, что на основе такой временной потребности или интереса изменяется коренным образом структура окружающей человека среды, или, как выражается исследователь, структура поля¹². Уже при действительных потребностях мы замечаем, что они не прямо приводят нас к известным действиям; их непосредственное влияние сказывается раньше всего в том, что они изменяют для нас характер окружающих вещей.

При наличии потребностей вне нас существуют определенные вещи или процессы, которые обладают побудительным характером. Таким характером обладают для голодного животного все вещи, связанные с едой. Окружающие предметы не являются для нас нейтральными. Они, как говорит Левин, не только причиняют нам при наших действиях большие или меньшие трудности или, наоборот, благоприятствуют действиям, но многие вещи и события, с которыми мы встречаемся, обнаруживают по отношению к нам более или менее определенную волю, они побуждают нас к определенным действиям: хорошая погода или красивый ландшафт манят нас на прогулку, ступени лестницы побуждают 2-летнего ребенка взбираться и слезать, двери побуждают закрывать и открывать их, собака — дразнить ее, строительный ящик зовет к игре, шоколад или кусок коржика возбуждает желание его съесть и т. д.

Побудительный характер вещей может быть положительным или отрицательным, прямо и косвенно побуждающим нас, сильным, слабым и т. д., но смысл основного закона остается всегда один и тот же: именно на основе возникших потребностей предметы распадаются на нейтральные и побуждающие, и последние своим наличием активно воздействуют на наше поведение. То же самое верно и по отношению к временным потребностям. Они также производят изменение в структуре окружающей среды. Временная потребность также приводит к тому, что предметы окружающего мира начинают оказывать побуждающее влияние на нас, они как бы требуют от нас известных действий, вызывают на них, притягивают или отталкивают, приказывают, влекут или отклоняют, они играют активную, а не пассивную роль по отношению к самой потребности. Как порох взрывается только тогда, когда в него попадет искра, так потребность приводится в